

ПРИБЛИЖЕНИЕ МАЛЫХ НАРОДОВ ОБСКОГО СЕВЕРА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

П. Н. Наумов

В дружной семье строящих коммунизм советских народов занимают свое место и малые народы Севера. Немногочисленные, рассеянные на необозримых пространствах тайги и тундры, живущие в суровых климатических условиях, они были обречены при царизме на вымирание. Советская власть не только спасла их от гибели, но и предоставила им все возможности для всестороннего развития, расцвета. Ленинское учение о возможности перехода отдельных народов с помощью пролетариата развитых наций от докапиталистических формаций непосредственно к социализму получило здесь блестящее подтверждение. Развитие малых народов Севера СССР убедительно опровергает фальсификации буржуазной советологии, изображающей национальную политику Коммунистической партии и Советского правительства как «русскую колонизацию», «принудительную ассимиляцию» и т. п.

Переходу малых народов Севера к социализму посвящено уже немало работ¹. Изучение этого вопроса позволило исследователям сделать выводы и обобщения принципиального характера. Вряд ли было бы, однако, правильным считать проблему исчерпанной. Специального рассмотрения требует, в частности, вопрос о приближении отстающих в своем развитии на целые века малых народов Севера к социалистической культуре. Различные аспекты культурного строительства у этих народов в разные периоды их истории уже были предметом изучения². В данной статье предпринимается попытка осветить ход культурной революции в довоенные годы у малых народов Обского Севера, при этом главное внимание обращается на наименее изученный пери-

¹ А. М. Чемакин. Мулымья — земля расколдованная. Свердловск. 1965; М. Е. Бударин. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск. 1968; В. А. Зибарев. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск. 1968; И. П. Клещенко. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М. 1968; его же. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М. 1972; В. Г. Балицкий. От патриархально-общинного строя к социализму. М. 1969; В. Н. Увачан. Путь народов Севера к социализму. М. 1971, и др. См. также сборники: «Новая жизнь народов Севера». М. 1967; «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера». М. 1971; «Ленинская национальная политика и малые народности Севера». Томск. 1972; «Радуга на снегу». М. 1972, и др.

² В. Г. Балицкий. Мероприятия партии по формированию национальной интеллигенции на Крайнем Северо-Востоке СССР. «История и культура народов Севера и Дальнего Востока». М. 1967; Н. Т. Онищук. Советы Нарымского края в борьбе за культурную революцию и организацию охраны здоровья малых народностей Севера (1930—1940). «Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета». Томск. 1968; И. Ф. Беленкин. Развитие печати на языках народов Севера. «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера». М. 1971, и др.

од 1918—1930 гг.³, то есть от первых послеоктябрьских мероприятий Советской власти по спасению вымирающих народов Севера до образования их национальной государственности⁴ — время, когда делались первые шаги на пути приобщения их к новой жизни и культуре. Именно в эти годы закладывались основы тех изменений, которые произошли в жизни этих народов в дальнейшем.

Малые народы Обского Севера к моменту Великой Октябрьской социалистической революции находились на стадии разложения первобытнообщинного строя, на той его ступени, когда характерными были не родовые, а территориальные связи, присущие времени зарождения классовых отношений. Люди, знакомившиеся с жизнью и бытом хантов, манси и ненцев, отмечали ужасные условия, в которых находились эти народы, приводили факты и цифры, свидетельствовавшие об их прогрессирующем вымирании. Условиям материальной жизни соответствовала и культура северных аборигенов. Мышление их не выходило из круга представлений, рождаемых примитивной жизнью; письменность, даже пиктографическая, отсутствовала или находилась в зачаточном состоянии. Слишком многочисленными и живучими были различные архаичные обычаи. Следствием тяжелых условий жизни были повальные болезни и высокая смертность.

Советская власть на Крайнем Севере фактически установилась лишь в начале 1920-х годов, после разгрома белогвардейцев и интервентов. На Обском Севере мирная работа советских органов наладилась только к 1921 г., но некоторые события, в частности кулацко-эсеровский мятеж 1921 г., мешали проведению политики Коммунистической партии среди местного населения. Положения «Декларации прав народов России» были реализованы здесь в самой общей форме, хотя и тогда уже коренное население привлекалось к созданию новых органов власти, ему оказывалась неотложная помощь, в первую очередь продовольственная и медицинская, но делалось это в таких масштабах, что не могло обеспечить всестороннего развития этих народов, отличавшихся крайней общей и политической безграмотностью и забитостью. В противоположность царизму, политика которого состояла «в том, чтобы свести на нет эти меньшинства всеми средствами»⁵, Советское правительство даже в то тяжелое время делало все возможное для их спасения, подъема и роста. В 1920 г. коллегией Наркомнаца РСФСР были созданы в Сибири при уездных и губернских исполкомах национальные отделы. В Национальном отделе Сибревкома был образован подраздел малых народов. В марте 1921 г. он созвал в Омске совещание представителей нерусских народов, в том числе и северных, на котором впервые за всю историю их существования был поставлен вопрос об их нуждах.

Перспективам развития малых народов уделил внимание X съезд РКП(б), отметивший в своей резолюции, что «теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача пар-

³ Этот вопрос кратко рассматривается в статьях: В. А. Зибарев. Первые мероприятия Советского государства по организации здравоохранения у малых народов Дальнего Востока (1922—1926 гг.). «Научные труды» Томского инженерно-строительного института. Т. VI. 1959; К. С. Андреева. Культурное строительство у малых народностей Обского Севера. «Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг.». Новосибирск. 1962; А. В. Лепетюк. Культурное строительство на Камчатке. «Вопросы истории», 1970, № 8; Л. Е. Киселев. Деятельность партийных организаций национальных районов Севера по воспитанию у малых народностей стремления к знаниям, к образованию. «Ленинская национальная политика и малые народности Севера», и др.

⁴ Этот период выделяется и другими авторами. См., например, В. А. Зибарев. О периодизации советской истории народностей Севера. «Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири». Вып. 5. Томск. 1967.

⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 2. Изд. 8-е, стр. 255.

тии по отношению к трудовым массам этих национальных групп (имелись в виду «отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инациональные компактные большинства».— П. Н.) состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития»⁶.

13 марта 1922 г. коллегия Наркомнаца постановила организовать при отделе нацменьшинств Полярный подотдел по охране и управлению туземными племенами Севера России, призванный решать все специфические вопросы, касавшиеся северных народов. В постановлении подчеркивалось, что необходимо бережное, чуткое отношение к малым народам «в целях безболезненного приобщения их к новой, социалистической культуре Советской России, сообразуясь со своеобразными природными условиями их жизни»⁷. В конце июля 1922 г. в селе Самарово (ныне Тюменской обл.) была созвана конференция представителей малых народов (без северо-восточных), рассмотревшая широкий круг проблем: национальная политика (доклад представителя Наркомнаца о работе Полярного подотдела по охране и управлению туземными племенами Севера России); улучшение материального быта туземцев Севера; медико-санитарный вопрос; ветеринарное дело; культурно-просветительная работа и организация местного управления⁸. В том же 1922 г. Наркомнац поставил вопрос о создании на Севере школ-интернатов и поручил специальной комиссии разработать письменность для малых народов. В 1923 г. состоялся Первый Всероссийский съезд губернских национальных работников, ведавших просвещением, на котором обсуждались и вопросы культурно-просветительной работы среди малых народов Севера⁹.

С 1923—1924 гг. государство в плановом порядке начало отпускать средства на социально-культурные мероприятия и социологическое и антропологическое изучение малых народов Севера. В Тобольском округе, в районах рек Пур и Таз, длительное время работала сотрудница Русского этнографического музея Р. П. Митусова¹⁰. По указанию партийных органов все учреждения, предприятия и организации, имевшие дело с местным населением, объявлялись очагами культуры. Трудностей было много, но в атмосфере всеобщего революционного энтузиазма пробуждались сознание и энергия местных жителей. Коммунисты активизировали и углубляли этот процесс. Ярким примером может служить деятельность учителя-коммуниста И. П. Николаева, создавшего у хантов первый пункт по ликвидации неграмотности, который затем превратился в школу с дневным и вечерним отделениями для детей и взрослых. И. П. Николаев многого добился в популяризации просвещения среди местного населения, боявшегося ранее грамоты¹¹. Однако и в те годы еще не хватало средств на создание школ и больниц, не было достаточного количества учителей и врачей (и не только на Севере), особенно сказывалась нехватка в учителях, знающих местные языки. В 1924 г. комиссия Уралоблисполкома, обследовавшая Тобольский Север, докладывала: «Во всем округе имеются лишь два человека, знающие инородческие языки и умеющие преподавать»¹².

Самым существенным недостатком было несовершенство аппарата управления у малых народов, что определяло трудности в решении многих конкретных вопросов, в частности вопросов культуры. В резо-

⁶ Там же, стр. 254, 255.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 1001, л. 1.

⁸ «Жизнь национальностей», № 17, 21.VIII.1922.

⁹ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л. 1955, стр. 214—215.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 39, л. 112.

¹¹ Подробнее о деятельности И. П. Николаева см.: А. Протопопов. Яркий проблеск. «Наш край». Тобольск. 1925.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 56, л. 47.

люции по национальному вопросу XII съезд РКП(б) подчеркнул: «Найти ключ к правильному решению национального вопроса еще не значит решить его полностью и окончательно исчерпать это решение в его конкретно-практическом осуществлении»¹³. Нужен был специальный компетентный орган, который со всей полнотой учел бы специфические особенности северных этнических групп и организовал то конкретно-практическое осуществление национальной политики, о котором говорилось в решениях съезда. Такой орган был создан 20 июня 1924 года. Это Комитет содействия народностям северных окраин (КСНСО), или, как его стали сокращенно именовать, Комитет Севера при Президиуме ЦИК РСФСР¹⁴. В него вошли видные деятели партии, соратники В. И. Ленина — А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, Е. М. Ярославский, Ф. Я. Кон, П. А. Красиков. Председателем комитета стал П. Г. Смидович. Крупные ученые — знатоки Севера были привлечены к работе комитета и его комиссий (научно-исследовательской, культурно-просветительной, санитарно-оздоровительной и других). Несколько позже была образована школьная комиссия, которую возглавил А. В. Луначарский. На основании решения ЦИК и СНК РСФСР 23 февраля 1925 г. в областях, имевших в своем составе малые народы, при обласполкомах были созданы местные комитеты содействия, подчиненные Комитету Севера. Для Обского Севера, кроме того, было создано филиальное отделение Уральского областного комитета Севера — Тобольский комитет¹⁵.

С этого времени начинается новый этап в жизни малых народов — этап систематической, последовательной, плановой деятельности партийных и советских органов по ликвидации многовековой отсталости коренного населения Севера, вовлечению его в строительство новой жизни. Проведение культурной революции было одной из первоочередных задач этого периода.

Партийные и государственные органы Российской Федерации понимали, что без создания соответствующей экономической базы ни о какой культурной революции на Севере не могло быть и речи. Необходимо было не только осуществить государственное финансирование намечаемых культурно-просветительных мероприятий, но и прежде всего облегчить материальное положение северян. 30 апреля 1925 г. бюро Комитета Севера решило поставить на рассмотрение расширенного пленума Комитета вопрос об освобождении малых северных народов от общегосударственных и местных прямых налогов и сборов; 16 октября ЦИК и СНК СССР опубликовали постановление «О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины»; 19 ноября 1927 г. Президиум ЦИК РСФСР освободил их от промыслового налога, гербового сбора, сельхозналога и от налога по наследству¹⁶. 25 ноября 1925 г. Тобольский комитет Севера, «учитывая слабость притока туземцев в школы, с одной стороны, и с другой, принимая во внимание их низкий культурный уровень и слабое экономическое состояние», признал необходимым освободить коренных жителей Тобольского Севера от платы за обучение в школах (имеется в виду бесплатное содержание детей в интернатах. — П. Н.) и обратился с соответствующим ходатайством в президиум окрисполкома¹⁷. Исполкомам национальных районов ЦИК РСФСР предоставил право использовать на культурно-социальные мероприятия дохо-

¹³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 2, стр. 437.

¹⁴ История создания Комитета Севера обстоятельно освещена в книге: В. А. Зибарева. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.).

¹⁵ «Северная Азия», 1925, кн. 3, стр. 103; Государственный архив Тюменской области (ГАТО), ф. 690, оп. 1, д. 1, л. 41.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 14, л. 9; д. 26, л. 241; д. 230, л. 6.

¹⁷ Там же, д. 26, лл. 240—241.

ды от эксплуатации и сдачи в аренду находившихся в их ведении имуществ, предприятий и угодий.

Важнейшей составной частью первого этапа культурного строительства была борьба за внедрение элементов санитарии и гигиены в быт народов Севера. Свиристествовавшие среди них болезни и эпидемии настоятельно требовали принятия срочных мер. Во второй половине 20-х годов центральный и местные комитеты Севера организовывали врачебно-обследовательские отряды. Первые из них для борьбы с глазными заболеваниями были отправлены в 1924—1925 гг. на Крайний Север Российским обществом Красного Креста (РОКК). В 1925/26 г. первые 50 тыс. руб. на организацию медицинской помощи народам Севера получил Наркомздрав. В 1927 г. 9 врачебных отрядов было создано Наркомздравом, 14 — РОККом¹⁸. Специальные ассигнования направлял для тех же целей и Комитет Севера¹⁹. В течение 20-х годов работа в этом направлении не прекращалась. И хотя Тобольский окрисполком в 1927 г. пришел к выводу, что результаты деятельности отрядов не оправдывают средств, затрачиваемых на их организацию и содержание, и что гораздо целесообразнее создавать стационарные медицинские пункты²⁰, организация последних в местах с кочующим населением при нехватке кадров не представлялась тогда возможной. Подвижные же отряды могли действовать оперативно, поэтому соображения экономического порядка отходили на второй план.

Одной из первых применявшихся в Приобье форм работы, соединявших изучение жизни и быта малых народов с медико-санитарным их обслуживанием и внедрением в их жизнь первичных элементов новой культуры, были так называемые культурно-санитарные отряды. К каждому такому отряду должны были подключаться 5 практикантов из местного населения. Отряд, направленный Тобольским комитетом Севера в один из глухих районов тайги, состоял из врача-акушера, работника просвещения, ветеринарного врача и переводчика, возглавлял его инспектор народного образования А. А. Протопопов.

В течение зимы 1925/26 г. отряд действовал в Сургутском районе, в бассейнах рек Юган, Салым, Аган, Балык среди хантов и манси, изучая их быт, условия жизни, проводя медицинские и социологические обследования. Работниками отряда было осмотрено около 1 200 жителей, выявлены характер и распространенность болезней; нуждающимся была оказана посильная помощь; велась работа по ликвидации неграмотности. Было проведено большое количество бесед о значении грамоты, личной гигиены. Северянам разъяснялась политика Советского государства²¹.

Параллельно с практикой передвижного обслуживания комитеты Севера вели большую работу по созданию стационарных медицинских пунктов, изб-читален, школ, пунктов по ликвидации безграмотности. 29 мая 1925 г. бюро санитарно-оздоровительной и культурно-просветительной комиссий Комитета Севера утвердили сметы на расходы по организации стационарных медпунктов в районах с коренным населением, настоятельно рекомендуя при этом выдвижение из его среды «наибольшего числа лиц для подготовки их в качестве квалифицированных медицинских работников»²². Несмотря на огромные трудности, связанные с нехваткой средств, отсутствием кадров, суровыми условиями края, разбросанностью и кочевым образом жизни его населения, в организации здравоохранения на Севере произошли первые сдвиги.

¹⁸ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 26, л. 40.

¹⁹ А. Скачко. Пять лет работы Комитета Севера. «Советский Север», 1930, № 2; ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 104, л. 7; ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 1, л. 52.

²⁰ «Отчет Тобольского окрисполкома за 1926—27 гг.». Тобольск. 1927, стр. 106.

²¹ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 12, лл. 6, 84—86.

²² ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 104, л. 16.

В крае, где на грамотность смотрели как на источник зла, в обстановке далеко еще не изжитого подозрительного отношения ко всему, что делалось «чужими», приходившими на Север, требовалось использовать все средства, могущие повлиять на психологию, сознание, мировоззрение северных народов. Надо было доступными средствами объяснить коренным жителям Севера суть происшедших в стране перемен, преодолеть их недоверие и инертность, вовлечь в активную борьбу за новую жизнь. Еще во время гражданской войны участвовавшие в ней представители малых народов проходили в рядах Красной Армии первую политическую подготовку. По мере укрепления Советского государства усиливалось и его морально-политическое воздействие на жителей северных окраин. Возникла и ширилась сеть политико-просветительных учреждений: изб-читален, так называемых туземных домов (позже — домов народов Севера), пунктов ликбеза, школ, торговых точек и т. д. Всем советским учреждениям и организациям вменялось в обязанность ведение политико-массовой работы среди коренного населения. Принимались меры по созданию местных фондов для ведения культурной работы на Севере. Партийным комитетам и национальным фракциям советских и хозяйственных органов поручалось постоянно вести наблюдение за всей деятельностью в этом направлении²³. Агитпропотделы партийных комитетов составляли специальные программы массовой работы среди коренного населения. Программа, разработанная Тобольским окружкомом ВКП(б) в марте 1926 г., включала общественно-политический, производственно-технический (промысловый), медицинский и юридический циклы, каждый из которых содержал минимум соответствующих знаний²⁴.

К 1929 г. Обский Север располагал уже небольшой сетью культурно-просветительных учреждений. Для коренного населения было открыто 15 изб-читален, 6 красных уголков, 6 радиостановок, 2 туземных дома. Содержание работы подобного рода учреждений контролировалось и направлялось партийными и советскими органами. Сургутский райком ВКП(б) 21 ноября 1929 г. дал развернутые рекомендации относительно деятельности Дома народов Севера. В резолюции предлагалось выявить через переводчиков интерес туземцев к газетам, журналам и плакатам и выписать последние в достаточном количестве; культчасть райисполкома обязывалась составить план культурного обслуживания аборигенов в Доме, предусмотрев работу по ликвидации неграмотности, беседы о законах Советской власти, защищающих туземцев и охраняющих права женщин, об участии их в общественной жизни, о санитарно-гигиенических навыках²⁵. Важную роль в политическом просвещении жителей Севера играли такие средства массового воздействия, как кино, радио, печать.

Население края активно оказывало помощь в осуществлении планов, намеченных партийными и государственными органами. Общее собрание ненцев Харнак-Седа (Обдорский район) в апреле 1929 г. решило собранные путем самообложения средства отдать на постройку Дома ненца в Щучьем²⁶. Тобольская газета «Северянин» писала о том, как простое любопытство хантов, манси, ненцев ко всему, что им предлагалось, перерастало постепенно в живой интерес и они активно принимали новые порядки. В 1927 г., в канун 10-летия Октября, на одной из факторий в тундре случайно съехались два отряда Бактериологического института, возвращавшиеся после семимесячной работы домой. Решено было торжественно отметить знаменательную дату. Председатель

²³ Партийный архив Тюменской области (ПАТО), ф. 30, оп. 3, д. 209, лл. 8—9.

²⁴ Там же, д. 175, лл. 68—70.

²⁵ Там же, оп. 7, д. 102, л. 32.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 415, лл. 5, 10.

кочевого Совета известил об этом намерении ненцев и хантов. На юбилей Советской власти в факторию приехали 76 человек, преодолев расстояние в 150—200 километров²⁷.

Новое исподволь начинало входить в быт народов Севера. Главное внимание культур работников в первое время было направлено на искоренение особенно архаичных и вредных пережитков (жертвоприношения, запреты лова рыбы в «священных» озерах, униженное положение женщины). Одновременно внедрялись наиболее доступные и необходимые культурные навыки. С этой целью устраивались конкурсы чистоты жилища, показательных чумов, юрт, проводилось обучение санитарно-бытовой культуре. Памятутя указание В. И. Ленина о том, что «втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин»²⁸, партийные организации тактично, но неуклонно проводили линию на освобождение женщины-северянки от зависимого положения в семье и обществе. Обеспечить действительное равноправие можно было лишь путем привлечения женщин к общественно-производительному труду. 19 июня 1925 г. ЦК ВКП(б) утвердил Положение о делегатских собраниях, определявшее организационные основы и политическую программу деятельности партии среди женщин. На Обском Севере в течение лета 1926 г. при всех райкомах Тобольского округа были образованы женские секторы, которыми руководили русские женщины-коммунистки. Многие женщины-северянки были прикреплены к хозяйственным и общественным организациям в качестве практиканток. В Инструкции по работе среди тружениц Севера женорганизаторам поручалось учить северянок созданию огородов, уходу за коровой, скорому и прочному шитью, приготовлению пищи; учить сенокосу и рыбной ловле (считалось, что женщина неспособна выполнять эти виды труда), искусству сохранять продукты. Им бесплатно раздавались аптечки, мыло, гребенки, ножницы, выкройки и т. п. Для северянок организовывались отдельные школы; среди них пропагандировались идеи равноправия женщин, они участвовали в борьбе с калымом и многоженством²⁹.

Не менее важной задачей, чем «мировоззренческий ликбез», была борьба со сплошной неграмотностью. «Безграмотный человек стоит вне политики»³⁰, — говорил В. И. Ленин. Ни о каких глубоких преобразованиях на Севере не могло быть и речи без решения проблемы грамотности, образования масс. Трудная сама по себе, эта задача в 20-е годы в условиях Севера с его необыкновенно отсталым населением требовала от Коммунистической партии осмотрительности, настойчивости, сил и средств. По Приполярной переписи 1926—1927 гг. грамотность у хантов составляла 5,2%, манси — 5,6% (относительно высокий для малых народов процент грамотности объяснялся наибольшей близостью этих народов к русскому населению, меньшей удаленностью от культурных центров и оседлым в основном образом жизни), у ненцев — 0,6%³¹. Кочевники-ненцы оставались фактически сплошь безграмотными.

Школьная комиссия Комитета Севера во главе с А. В. Луначарским делала все возможное для организации школ. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли громадное внимание развитию народного образования на Севере. Едва ли не самым важным здесь было обучение детей в школе, ибо северяне считали, что пребывание в ней

²⁷ «Северянин», 9 и 11. XII.1927.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 368.

²⁹ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 89, лл. 8—9. Подробнее о работе среди женщин см.: Ю. П. Прибыльский. О работе партии среди женщин Крайнего Севера. «Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября». Томск. 1967.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 174.

³¹ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 141, лл. 22—23.

отвлекает от «настоящего дела» — охоты, рыболовства и т. д., а труд подростков нередко служил важным подспорьем в семейном бюджете. Всеобщее обучение обеспечивалось созданием материальной базы (полное государственное обеспечение взятых в школу детей и повышение уровня жизни родителей, чтобы неучастие ребенка в хозяйственной деятельности семьи не отражалось на ее благополучии) и убеждением в пользе и необходимости образования³².

Создание школ-интернатов, освобождение северян от налогов, оказание им материальной помощи, приспособление школьной жизни и учебных программ к их образу жизни, убеждение в пользе грамоты и всемерная связь обучения с жизнью — все это коренным образом изменило отношение малых народов Севера к школе. Еще в 1923 г. на 4-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей была принята резолюция о включении в общегосударственный бюджет школ первой ступени культурно слабых национальностей. Отдел нацменьшинств Наркомнаца в своей деятельности учитывал, что «на Севере школы должны содержаться, безусловно, за счет Республики»³³. Эта установка неукоснительно проводилась в жизнь. Кроме того, всячески поощрялась инициатива местных органов власти и самого коренного населения, добровольно выделявшего средства на открытие школ. Газета «Северянин» писала: «В туземных юртах Ниямских и Алешинских на проводимых собраниях сельсоветом постановлено открыть школу в Ниямах для обучения детей туземцев». В мае 1925 г. в Обдорске (Салехарде) и Березове на средства Уралобласти были открыты школы-пансионаты (интернаты) на 30 детей-ненцев и 30 детей-хантов³⁴. Северные школы максимально обеспечивались всем необходимым. КСНСО 23 октября 1925 г. сообщил своим отделениям при Уралоблисполкоме и в Тобольске: «Снабжение письменными принадлежностями производится Главсоцвосом в натуре, в определенном отношении к числу учащихся, причем снабжение всех школ, обслуживающих малые народности, может быть повышено до 100% потребности»³⁵.

Несмотря на все трудности, сеть школ на Севере постепенно расширялась. В 1930 г. Тобольский комитет Севера привел в своем докладе такие цифры: число школ, обслуживающих коренное население, возросло с 20 в 1925/26 г. до 36 в 1929/30 г., причем в их числе было 6 национальных школ-интернатов и мансийская семилетка. Количество учащихся в национальных школах увеличилось. В 1925/26 учебном году учащихся хантов, манси и ненцев насчитывалось 274, в 1928/29 — 480, а в семилетке (первой и в то время единственной) — их число увеличилось с 7 до 32 человек³⁶. В целях более широкого охвата начальным образованием кочующего и полукочующего населения в тундру посылали учителей, которые кочевали вместе со скотоводами.

Главным препятствием на пути просвещения народов Севера, как, впрочем, и в других областях культурного строительства, был острый недостаток кадров. «Личность учителя, — писал А. В. Луначарский, — является бесконечно ценным вкраплением в местную жизнь. Учителя же Севера редки, очень разбросаны, но тем не менее они являются единственным светочем и единственным авторитетом в тундре»³⁷. В 1927 г. по докладу А. В. Луначарского Комитет Севера принял решение о предоставлении учителям Севера ряда льгот: повышение ставок

³² Подробнее об этом см.: Л. Е. Киселев. Указ. соч.

³³ «КПСС о культуре, просвещении и науке». М. 1963, стр. 149; ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 995, л. 2.

³⁴ «Северянин», 26.VII.1924; ПАТО, ф. 30, оп. 3, д. 209, л. 10.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 16, л. 109.

³⁶ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 64, лл. 89—90.

³⁷ А. В. Луначарский. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере. «Северная Азия», 1927, кн. 3, стр. 20.

зарплаты, предоставление длительных отпусков, прибавка к зарплате через каждые три года работы, бесплатный проезд к месту проведения отпуска и обратно и др.³⁸ Учителя чувствовали постоянную заботу партии и правительства. Среди них было немало истинных энтузиастов, самоотверженно и бескорыстно отдававших себя делу просвещения малых народов. Это учитель-коммунист А. В. Голошубин, работавший среди сосвинских манси; упомянутый А. В. Луначарским учитель Афанасьев, составивший книгу-букварь для хантов³⁹; учитель Полноватской школы (Ханты-Мансийский округ) А. К. Новицкий, переводивший на хантыйский язык пьесы. Все это делалось ими из желания донести свет знания до северян. Один из пионеров культуры на Обском Севере, бывший учитель А. Н. Лоскутов, говорил по этому поводу: «Что держало нас в этом краю? Не заработная плата — ее, как имеющий образование человек, я мог получить и дома; не прелести экзотики — они увлекают лишь в легких книжках. До глубины души нас трогало и вдохновляло поистине сердечное внимание, искренняя, глубокая забота партии о нас, кому решили доверить нести свет знаний обездоленным царизмом малым народам. Буквально каждым нашим шагом интересовались такие люди, как Н. К. Крупская, П. Г. Смидович. Мы были ежегодными гостями Москвы. Мы понимали, что интерес и внимание к нам — это интерес и внимание к делу, которое мы делаем. Мы видели, что партия и правительство ничего не жалеют для того, чтобы вырвать из мрака северные окраины. Могли ли мы остаться равнодушными? Могли ли мы не отдать всей душой этому святому делу?»⁴⁰

Громадное внимание уделялось подготовке педагогических кадров из местного населения. Для северных школ разрабатывались специальные программы. Школьная комиссия КСНСО обобщала методические материалы. В тесной связи с развитием школьного дела шла и разработка письменности для малых народов. К концу 20-х годов все они получили алфавиты⁴¹. В этом сложном и ответственном деле выдающуюся роль сыграли такие ученые и педагоги, как В. Г. Богораз-Тан, И. С. Вдовин, С. Н. Стебницкий, Я. П. Алькор, П. Я. Скорик, В. А. Аврорин, Г. М. Василевич, Г. А. Меновщиков, В. И. Цинциус, Е. И. Убрятова и др.

В 1925 г. по инициативе В. Г. Богораз-Тана и Л. Я. Штернберга на рабфаке Ленинградского университета была создана Северная группа (в которую были зачислены 19 человек, пожелавших нести просвещение северным народам), а в 1926 г. — рабфак при Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) для детей северян. С 1926/27 учебного года Северная группа ЛГУ и рабфак при ЛИЖВЯ были объединены в Северный факультет ЛИЖВЯ. Если в 1926/27 учебном году в Ленинграде училось только 4 человека с Тобольского Севера, то в 1927/28 г. — уже 10 человек⁴². В 1930 г. Северный факультет ЛИЖВЯ был преобразован в самостоятельный Институт народов Севера. Руководство им осуществлял непосредственно ЦИК СССР, что сви-

³⁸ ПАТО, ф. 30, оп. 2, д. 54, л. 231.

³⁹ А. В. Луначарский. Указ. соч., стр. 20.

⁴⁰ В настоящее время пенсионер А. Н. Лоскутов заведует Ханты-Мансийским окружным краеведческим музеем. Приводимые слова высказаны в беседе с автором данной статьи.

⁴¹ По вопросам создания письменности см.: Л. М. Зак, М. И. Исаев. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции. «Вопросы истории», 1966, № 2; И. Ф. Беленкин. Указ. соч.; его же. Развитие печати на языках малых народов Советского Севера. Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 1970; см. также: К. Я. Лукс. Проблема письменности у туземных народов Севера. «Советский Север», 1930, № 1.

⁴² ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 64, л. 99. О роли Ленинграда в подготовке кадров для Севера, в частности о деятельности Института народов Севера, см.: М. Г. Воскобойников. Подготовка в Ленинграде педагогических кадров для школ народов Крайнего Севера. «Просвещение на Советском Крайнем Севере». Вып. 8. Л. 1958, стр. 52.

детельствовало о большом внимании к этому учебному заведению со стороны Коммунистической партии и Советского правительства. 17 августа 1932 г. Президиум ЦИК СССР утвердил структуру института: Северо-Азиатский семинарий (собственно вузовская ячейка), основной сектор (техникум), подготовительный сектор (в других вузах ему соответствовал рабфак), аспирантура, научно-исследовательская ассоциация и издательство. В 1931 г. институт дал первый выпуск — 15 специалистов советско-партийной, педагогической и колхозно-кооперативной работы; в 1934 г. было выпущено уже 36 человек, причем 5 из них — с высшим образованием. В 1935 г. первые 20 научных сотрудников окончили аспирантуру. Учитывая острую потребность Севера в кадрах, с 1931/32 г. при институте стали проводиться курсовые мероприятия по краткосрочной (от 6 месяцев до 1 года) подготовке специалистов-националов⁴³.

Местные органы также организовывали подготовку специалистов в вузах Тюмени, Омска, Хабаровска и других городов. Студентам-северянам, помимо стипендий, предоставлялись особые льготы: выделение дополнительных денег на вещевое довольствие, бесплатное посещение кинотеатра и т. п.⁴⁴. На заводы, в производственные мастерские привлекались рабочие из северян с целью их практического обучения. Большое внимание уделялось тому, чтобы, как требовал этого Комитет Севера, «оканчивающие школы-интернаты обладали специальным мастерством, необходимым в быту кочевого и оседлого туземца». Проводилась большая работа с выдвиженцами из коренного населения; для них организовывались курсы при учреждениях, школы грамоты, кружки самообразования и т. д. В 1930 г. расширенный пленум Комитета Севера специальным постановлением о кадрах для северных народностей⁴⁵ привел все это в систему. Темпы подготовки кадров из северян нарастали.

Вторая половина 20-х годов в истории культурной революции у малых народов Севера сыграла особую роль. В этот период шел поиск форм и методов приобщения национального населения к цивилизации, к завоеваниям социализма, в частности в области культуры. Именно в эти годы произошли первые заметные изменения в сознании малых народов Севера, установился прочный, хотя и неповсеместный еще (из-за невероятной отдаленности, кочевого образа жизни, недостатка сил и средств) контакт их с Советской властью во всех областях жизни. Росла сеть учреждений культуры, намечалось преобразование быта.

В 1930 г. XVI съезд ВКП(б) в одном из пунктов резолюции по отчетному докладу ЦК записал: «Партия должна усилить... внимание к практическому проведению ленинской национальной политики, изживанию элементов национального неравенства и широкому развитию национальных культур народов Советского Союза»⁴⁶. При осуществлении этого положения партия исходила из учета конкретных условий жизни каждой нации, народности, этнической группы. 10 декабря 1930 г. постановлением ЦИК РСФСР было создано 8 северных национальных округов. Создание округов, выборы в новые органы власти — Советы необычайно активизировали участие народов Севера в социалистическом строительстве, еще более сблизили их с другими народами СССР, подняли их национальное самосознание. Вместе с тем объединение по национальному признаку облегчило работу по ликвидации отсталости малых народов.

⁴³ Н. М. Готовим специалистов-националов. «Северная Азия», 1935, кн. 5; В. Б. Гораз-Тан. Северный рабфак. «Северная Азия», 1927, кн. 2.

⁴⁴ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 12, л. 107.

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 281, л. 81; д. 496, лл. 20—23.

⁴⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 4. Изд. 8-е, стр. 418.

30-е годы стали временем дальнейшего и более интенсивного подъема культуры народов Севера. В эти годы партийное руководство культурными преобразованиями становится все более широким и квалифицированным: увеличивается партийная прослойка среди специалистов, во все большем количестве прибывающих на Север; растут за счет национального актива местные партийные организации; ширится участие коренных жителей Севера во всех проводимых партией начинаниях и мероприятиях. Расширению объема всех видов и форм культурной работы в первую очередь способствовали возросший экономический потенциал страны в целом и окрепшее материальное положение самих малых народов. Коллективизация, проведение которой на Севере подготавливалось и велось с середины 30-х годов, дала здесь, как и везде, мощный толчок движению вперед по всем линиям. Начался процесс оседания кочевников, подтягивания их уровня жизни к уровню жизни населения более развитых национальных районов.

Непосредственное и повседневное решение многообразных задач культурной революции осуществлялось, как и ранее, через испытанные временем просветительные учреждения, но теперь к ним прибавились и с каждым годом играли все большую роль новые, специфически северные учреждения — культурные базы и красные чумы, подготовка к созданию которых шла в предшествующий период. В революционном преобразовании жизни и быта народов Севера они сыграли исключительную роль. Оперативность работы красных чумов, их относительно невысокая стоимость превращали их в одну из наиболее действенных форм культурного влияния на жителей тундры, закрепив за ними будущее на долгие годы⁴⁸. Они действовали в самой глубинке, на пути основных кочевий. Общей задачей их было поднятие культурного уровня северян, в первую очередь ликвидация неграмотности и оказание лечебной помощи, пропаганда и непосредственное участие в перестройке северного хозяйства. От работников красных чумов требовалось нередко подлинное подвижничество, и сотни людей, прибывших на Север из разных концов страны, проявляли его. В результате красные чумы завоевали полное доверие северян. Не менее важную роль сыграли и культурные базы. Если красные чумы были легкими, подвижными «культурными лабораториями», то культбазы сразу создавались как стационарные очаги новой жизни малых народов, как своеобразные городки в тайге и тундре. Культбазы представляли собой поселок с жилым фондом и служебными зданиями: школа-интернат, больница, Дом народов Севера, ветеринарно-зоотехнический пункт, краеведческий пункт, хозяйственно-финансовая часть. Все эти учреждения были укомплектованы квалифицированными работниками. База располагала и собственным транспортом. Создание и содержание культбаз и красных чумов финансировало государство. До 1934 г. культбазы находились в ведении Комитета Севера, а после его ликвидации — политотделов Главсевморпути. В конце 30-х годов они перешли в ведение местных органов власти (национальных райисполкомов)⁴⁹, став политическими и культурными центрами народностей Севера.

Систематическая и последовательная работа партии по подъему культуры малых народов привела к серьезным сдвигам в их духовной жизни. В результате неустанной борьбы с шаманами в 20—30-е годы наблюдается ослабление позиций религии. Вопреки шаманским запре-

⁴⁸ Красный чум представлял собой 2—4 легко перевозимых разборных сооружения с комплектом предметов, необходимых для культурной и медицинской работы (радиоприемник, кинопередвижка, медицинское оборудование и т. д.). Штат его состоял обычно из культурработника, фельдшера, киномеханика, рабочего.

⁴⁹ Подробнее о деятельности культбаз и красных чумов см.: П. Н. Наумов. Из истории культурного строительства у малых народностей Обского Севера в годы первых пятилеток. «Ленинская национальная политика и малые народности Севера».

там северяне отдавали детей в школу, отправляли их в пионерские лагеря. Врач и фельдшер вытесняли знахарство. Новое внедрялось и в быт. Постепенно уходили в прошлое калым и многоженство. В чумах и юртах многое стало выглядеть по-иному. На отчетно-выборных собраниях в 1933 г. население Ханты-Мансийского округа требовало увеличения продажи ему ламп, стекла, железных печек.

Освобожденные от постоянной борьбы за существование, малые народы Севера получили широкие возможности проявить свои творческие силы. Курс партии на пробуждение и развитие их духовных способностей встречал с их стороны живейший отклик. В 1930 г. Комитет Севера одобрил начинание Института народов Севера по изучению с помощью студентов искусства малых народов. Начали систематически проводиться художественные олимпиады. В 1935 г. была устроена выставка картин и скульптуры студентов Института народов Севера. Тобольским окружкомом ВКП(б) и окроно была организована запись сказок и песен хантов и манси, проведен конкурс на лучшую национальную песню, рассказ⁵⁰.

Самостоятельной литературы у малых обских народов в довоенное время еще не существовало, однако начало ей было положено. Летом 1940 г. вышел сборник «Хантэйская и мансийская поэзия», в котором были представлены 8 начинающих поэтов Обского Севера: основатель мансийской литературы П. Чейматов (Еврин), ненцы И. Ного и П. Хатанзеев, первый поэт хантов Г. Лазарев и др. Появились и первые ученые, которые, как и первые писатели, были воспитанниками национальных, учебных заведений и Института народов Севера: филолог М. Вахрушева, автор словаря хантов П. Хатанзеев, Н. И. Терешкин и др.

История проведения культурной революции у малых народов Севера в рассматриваемый период позволяет сделать вывод, что она стала возможной лишь в условиях строительства социализма. Коммунистическая партия и Советская власть на Севере, исходя из принципов пролетарского интернационализма, всячески облегчали материальное положение малых народов, предоставляя им льготы, беря на себя заботу об их возрождении, культурном подъеме. Важнейшим принципом культурного строительства на Севере было максимальное привлечение к этому делу самих малых народов. Строить не только для них, но и их руками — это положение, выдвинутое П. Г. Смидовичем⁵¹, было одним из основополагающих в практике комитетов Севера.

Существенным моментом культурной революции на Севере, на первом ее этапе в особенности, было повсеместное и умелое применение наиболее доступных для самых широких масс коренного населения методов воздействия. Вся культурная работа первых лет была максимально приспособлена к жизни северян (школы-передвижки, кочующие учителя, культурно-санитарные отряды, наконец, красные чумы и культбазы). Работники культурного фронта на бескрайних просторах тайги и тундры преодолевали огромные препятствия. Помимо трудностей объективных, им приходилось подавлять сопротивление кулака и шамана, бороться с отступлениями отдельных местных работников от политики партии и правительства в национальном вопросе, преодолевать пассивное неприятие новых порядков, новой жизни некоторой частью населения (главным образом старшим поколением).

С позиций сегодняшнего дня достигнутое в 20-е и 30-е годы на первый взгляд представляется не столь значительным: в Ямало-Ненецком, особо удаленном, трудном округе в 1937 г. было лишь 12% грамот-

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 496, лл. 5—7; Партийный архив Омской области, ф. 17, оп. 1, д. 359, лл. 59—60.

⁵¹ См. М. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 225.

ных среди коренных жителей; всеобщ не был завершен и в 1941 г.; в 1938 г. в заполярных районах округа не было врачей⁵². И тем не менее нельзя не признать значения проделанной в те годы работы. В положении и мировоззрении северян произошел коренной перелом, что обеспечило заметные изменения в области культуры и быта. Ликвидировалась безграмотность, все более частой становилась сеть школ, больниц, красных чумов и других культпросветучреждений. Складывалась национальная интеллигенция, зарождались новые, социалистические по содержанию и национальные по форме литература и искусство. Самые широкие массы втягивались в управление государством. Все сделанное в этом плане представляло собой уже столь прочную основу, что окончательная победа культурной революции стала бесспорной. Малые народы становились во всех отношениях полноправными членами социалистического содружества наций, сознательными и активными участниками строительства новой жизни.

⁵² Ямало-Ненецкий окружной архив, ф. 3, оп. 2, д. 8, л. 9; Государственный архив Омской области, ф. 437, оп. 9, д. 749, лл. 2, 6, 15.